

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№11-12-2010

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

С Новым 2011 годом!

Дорогие друзья!

Заканчивается 2010 год — год значительных событий в литературной жизни Дона. Мы отметили 160-летний юбилей Антона Павловича Чехова, 140 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина, 130 лет со дня рождения Александра Александровича Блока, 115 лет со дня рождения Сергея Александровича Есенина, 105 лет со дня рождения Михаила Александровича Шолохова. 95 лет со дня рождения Константина Михайловича Симонова и 85-летний юбилей Даниила Марковича Долинского.

Год был насыщен событиями. Начала возрождаться писательская жизнь, нормализовываться отношения между писателями и литераторами, создавались новые произведения, выходили новые книги, проводились конкурсы, работали семинары с начинающими литераторами, выходили номера писательских журналов и газет. Было хорошее и не очень, но это был год нашей жизни, прожитый нами и во многом так, как мы сами того хотели. И как у кого вышло — знает каждый сам о себе.

К сожалению, не обошлось и без потерь в наших рядах. Ушли из жизни наши товарищи Юрий Александрович Дьяконов, Леонид Григорьевич Григорьян, Эдуард Федорович Холодный. Светлая память им, и пусть их творчество станет маяком для молодых поколений донских писателей и литераторов!

Правления Ростовских региональных отделений Союза писателей России, Союза российских писателей и Литературного фонда России сердечно поздравляют всех писателей, литераторов, читателей, работников культуры, сотрудников донских библиотек, распространителей книги и всех людей, просто любящих литературу, с наступающим Новым 2011 годом и желают им, чтобы все их возможные проблемы и неприятности остались в старом году, а в Новый год они забрали с собой только отличное здоровье, бодрость духа, творческий подъем, материальное благополучие и самое хорошее настроение. Успехов вам и радости, друзья!

Председатель правления РРО СПР Воронов В.А.
Председатель правления РРО СРП Коломенский М.Ю.
Председатель правления РРО Литфонда России Береговой А.Г.

К 95-летию со дня рождения Константина Симонова

Влад Терентьев Поэт, писатель, журналист

«Вероятно, каждый народ, каждая эпоха рождает художников, которые всем существом, всеми мыслями, всей жизнью, всем творчеством, точнейшим образом соответствуют этому времени, этому народу. Таким поразительно современным был Константин Михайлович Симонов». Михаил Ульянов

К. Симонов художник огромного творческого диапазона. Великая Отечественная война сформировала его не только как

пани. Глубокий поэт и прозаик, он оставил незабываемые стихи, ставшие песнями: это «Жди меня», «Я пил за тебя под Одессой», эпохальные романы; «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются», «Последнее лето», повести, пьесы, публицистика, корреспондентские очерки, вынесенные с поля боя и т.д. Одно перечисление всего, что написал Симонов заняло бы несколько страниц. Он не был обойден на-

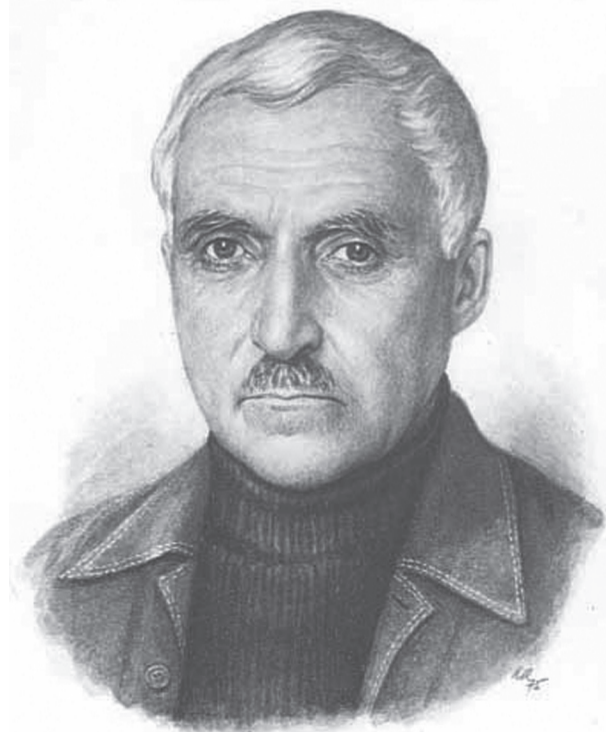
республики, Чехословакии. Герой Социалистического труда, он шесть раз награждался Государственными (тогда они назывались Сталинскими) премиями за свои романы, пьесы, стихи, имеет 3 ордена Ленина, 2 ордена Отечественной войны, Ленинскую премию.

После войны Симонов ведёт огромную общественную работу в Союзе писателей, в Верховном Совете СССР, в ЦК партии. Только его неполное собрание сочинений состоит из 10 томов.

У Константина (по метрике Кирилла) Симонова необыкновенная биография.

Родился он 28 ноября 1915 года в Петрограде, в семье княжны Оболенской и полковника Генерального штаба Михаила Симонова. (По материнской линии К. Симонов происходит от Рюрика). Отец Симонова в годы революции эмигрировал в Польшу. Воспитывал его отчим, бывший полковник царской армии А. Иванишев.

Свое отношение к отчиму К. Симонов выразил в поэме «Отец», уже в зрелом возрасте. Главным итогом своего воспитания (Окончание на стр. 2-3)

личность, но и как мастера глобального эпического полотна. О войне он начал писать задолго до её начала, в своих стихах об Ис-

страдами, где наряду со знаками воинской доблести, орденами и медалями СССР, присутствуют награды Монгольской Народной

Творческий вечер Александра Можяева

21 ноября в литературной гостиной ДГПБ состоялась творческая встреча с прозаиком Александром Николаевичем Можяевым. Поводом послужило 55-летие писателя. Репортаж Юлии Щербаковой из ДГПБ читайте на 5 стр.

В номере:
Новогоднее поздравление
Влад Терентьев
Поэт, писатель, журналист
Очерк
1 стр.
Антонина Попова
Истоки современной ростовской поэзии. Экскурс в прошлое - 2
2 стр.
Юлия Щербакова
На пути к званию творца.
Репортаж
3 стр.
Николай Китаев
И к совести, и к Богу. Стихи.
Григорий Рычнев
Козелуп. Рассказ
4 стр.

Людмила Малюкова.
Бедный «Александр Александрович».
Отклик на статью
Юлия Щербакова
Творческий вечер Александра Можяева. Репортаж
5 стр.
Новогодний конкурс. Стихи и проза донских авторов
6 стр.
Новогодний конкурс. Стихи и проза донских авторов
Алексей Глазунов
Признание в любви. Рассказ
7 стр.
«Председателю правления...»
Не новогодняя тема
Информация к размышлению
8 стр.

Антонина Попова. Истоки современной ростовской поэзии. Экскурс в прошлое - 2

...на смену футуристам, ничевокам, акмеистам спешили Анатолий Софронов, Ашот Гарнакерьян, Николай Доризо и другие ростовские поэты нового советского поколения, чье творчество было навеяно стройками первых пятилеток, созиданием нового общества, перспективами светлого будущего...

Так заканчивался материал «Истоки современной ростовской поэзии» в девятом номере газеты. О творчестве поэтов прошедшей эпохи не любят говорить, считая его за идеологизированным. Обвиняют их в графомании, рифмоплетстве и т.д. и т.п.

Я люблю ростовскую поэзию. По-моему, это отдельное поэтическое направление. Несомненно, большое влияние на нее оказало то, что в Ростове слились истоки разных культур, традиции народной поэзии Кавказа и России. Словно корни могучего дерева, переплетенные между собой, крепко держат они ствол, на который наназаны незаурядные, напоенные степным солнцем, овеянные донским ветром строфы наших поэтов.

Этим летом мне в руки попала небольшая книжечка. «Лирическое наступление» Ашота Гарнакерьяна, вышедшая в 1963 году в Ростовском книжном издательстве. Без обложки, сильно потрепанная, сиротливо белела она в куче макулатуры. Рука, не зная почему, потянулась именно к ней.

Влад Терентьев Поэт, писатель, журналист

ния отчимом отразил в строчках: *«Зато я знал в тринадцатом лет, что сказано — отрезано. Да — это да, нет — это нет, И спорить бесполезно. Знал смолоду: есть слово «долг». Знал с детства: есть лишения. Знал, где не струсишь — будет толк, Где струсишь — нет прощенья».*

В 1934 году Симонов поступает в Литературный институт им. Горького. Учится на семинарах Павла Антокольского и Владимира Луговского.

В 1939 г. начались военные действия на Халхин-Голе. Его командировали на Халхин-Гол. К этому времени он уже был женат, но брак с Евгенией Ласкиной, литературным редактором, не удался, не удержал его и сын Алексей. В 1940 г. они расстались. К окончательному разрыву, вероятно, подтолкнуло знакомство Симонова с актрисой Валентиной Серовой, вдовой недавно погибшего лётчика, героя Испании, Анатолия Серова. Их роман стал самым, пожалуй, известным в Советском Союзе. Любовь вдохновляла поэта в творчестве. Но всё ближе и неумоливей надвигалась война.

В начале войны он на западном фронте, как военный корреспондент. В тяжёлых боях под Могилёвом он едва не погиб, а в конце июля, ока-

...Я — армянин, но с русским наравне живу, в Россию горячо влюбленный...

Глаза выхватили эти строки на первой странице. Конечно, я слышала об этом поэте, конечно, помню, что в 2007 году мы отмечали его 100-летие. Но стихи должны лечь на душу, прийтись к месту и времени. Наверно, для меня настало время поэзии Гарнакерьяна.

Ашот Григорьевич Гарнакерьян родился 4 августа 1907 в Ростове-на-Дону. Армянин по национальности, он был русским поэтом, писал на русском языке. Его любимыми поэтами были Пушкин, Лермонтов, Маяковский. Творчеству его свойственна южная эмоциональность, мудрость, мужественность, любовь к жизни, к родине.

И в радостный день, и печальный С тобою я связан судьбой.

Тебе я не родственник дальний, Россия, я сын твой родной... Не слушал в Диканьке я сказки О ведьмах при свете луны, И предки мои у Аракса В предгорьях пасли табуны. Но северный снег и метели, И Пушкина гордый язык С младенческих лет, с колыбели, Считаю я родными привык...

Тема Дона и Кавказа занимает в стихах Гарнакерьяна особое место. Поэт изображает родную природу, донские степи и горы Кавказа, синие изгибы Дона и тихие улочки Нахичевани. Таким стихам, как «Россия», «Нахичевань», «Нам снятся новые планеты», «Дорога на Турье озеро», «Здесь Машука, Бештау кручи», «В часы скупого вдохновенья», «В часы скупого вдохновенья», «В часы скупого вдохновенья», уготована долгая жизнь.

Влад Терентьев Поэт, писатель, журналист

зался в Москве. Остановившись у своего друга на даче в Переделкино, он пишет стихотворение «Жди меня». Печатавший его он не собиравшись, считая слишком личным, но под напором близких друзей, для которых «Жди меня», переписанное от руки, было своего рода «оберегом», поэт публикует его в декабре 1941 г.

О первых, самых тяжёлых месяцах войны Симонов пишет стихотворение «Ты помнишь Алёша...» ставшее эталоном высокой гражданской ответственности, в котором создаёт врезающийся в сознание живой образ России — Родины.

«Ты знаешь, наверно, всё-таки Родина

Не дом городской, где я празднично жил. А эти просёлки, что дедами пройдены, С простыми крестами их русских могил».

Вспоминает Маргарита Алигер: «Всю войну он жил на диво напряжённо и насыщенно, в порыве не иссякающего упоения жизнью со всеми её опасностями, угрозами, радостями. И то сказать, если посмотреть со стороны, честное слово, могло показаться, что на свете существуют несколько Константинов Симоновых: один шлёт корреспонденции с

Тот отчий край, где в детстве раннем

Цвела за окнами герань, Хочу старинным звать названьем — Нахичевань, Нахичевань! ... Там материнский добрый голос Я слышал в утреннюю рань, Впервые шел учиться в школу, Нахичевань, Нахичевань! Но и в Москве, где яркой новью Встает высотных зданий грань, Я вспомню о тебе с любовью, Нахичевань, Нахичевань!

Когда читаешь эти строки, слышишь голос дудука, зурны, и хочется не просто читать, а петь, петь эти слова: «Нахичевань! Нахичевань!» Быть может, у меня особое, личное чувство к Нахичевани, поскольку мое детство прошло недалеко от этих улочек, маленьких, зеленых, с ватагой мальчишек, играющих в «войнушку». Читая стихи Гарнакерьяна, поражаешься тому, насколько совпадал духовный облик поэта с его лирическим героем. Он «искал свою песню, тревожась и мучаясь» все сорок пять лет творческой жизни. Первая книга «Ливни сквозь раду» вышла в Ростове в 1932 году. Затем книги его стихов и поэм много раз выходили в Москве, Ростове и других городах.

Он никогда не забывал, что «предки у Аракса пасли табуны»:

Над мирным очагом Куртятся легкий дым. И чем-то дорогим, До сладости родным, Повеяло от гор, От голубых долин. Прими меня, Кавказ! К тебе пришел твой сын...

Но и неподдельная любовь к

Дону, к родине вскормившей его, словно капельки росы на степном утреннем разнотравье искрится в стихах Гарнакерьяна.

... Звезды светят остро, молодо В нашей стороне донской. Серебро смешалось с золотом, Синева — с голубизной. Блещут лунные прикрасы, Чудо льется по волнам. Как в охотничьих рассказах — Быль и небыль пополам.

В предисловии к последней книге стихов поэта «Распахнутые горизонты», изданной в Москве издательством «Современник», Анатолий Софронов писал: «Сейчас, перечитывая стихи Ашота Гарнакерьяна, отстоявшиеся за десятилетия, видишь в них цельный образ поэта, у которого публицистическое начало всегда лирично, всегда обращено своим главным острием к действительности, к современности».

Я — романтик. Даже глина Часто кажется мне золотом. Снится алый парус Грина, По волнам бежущий молодо. Он из пламенной надежды, Из зари как будто ткался. Алый парус Грина, где ж ты? Жизнь проходит. Я заждался.

Конечно, с высоты прошедших лет мы можем утверждать, что многое писалось по заказу, «на злобу дня». Но, в то же время, читая эти стихотворения, веришь, что написаны они от всей души, с надеждой на скорое светлое завтра.

Все, что казалось Фантастическим, Волшебным, Как перо жар-птицы, Становится коммунистическим, Чтоб в плоть живую Воплотиться...

военных лет, в особенности те, что были адресованы Валентине Серовой, скорее всего и явились основой поэтической славы Константина Симонова. Лучшие из них выражают конфликт между двумя сильнейшими движущими силами его души: любовью к женщине и воинским долгом перед Родиной.

Пройдя через горнило войны, незадолго до её конца он напишет:

«Не той, что из сказок, не той что с пелёнок, Не той, что была по учебникам пройдена, А той, что пылала в глазах воспалённых, А той, что рыдала — запомнил я Родину. И вижу её накануне Победы Не каменной, бронзовой, славой увенчанной, А очи проплакавшей, идя сквозь беды, Всё снёсшей, всё вынесшей русскою женщиной».

Но кончилась война и, вопреки ожиданиям, мирное время открылось новым этапом репрессий и гонений.

Симонов, как и большинство людей его поколения, верил в Сталина.

Уже после «разоблачения» Хрущёвым «культы личности» Сталина, Симонов создаёт «образ вождя» в мемуарах «Глазами современника», пытается понять феномен «Отца народов».

...Чтобы сердцем рваться ввысь В высоту и высоту...

Ашот Гарнакерьян: музыка слова.

В 50-70-е годы Ашот Георгиевич был популярен среди ростовчан и не только. В январе 1964 года газеты опубликовали список произведений, выдвинутых на Ленинскую премию. Список был довольно обширным. Среди них было имя и Ашота Гарнакерьяна.

Когда на литературных вечерах в Ростове или Пятигорске, Таганроге или другом месте его представляли слушателям не только крупнейшим поэтом Дона, но и всего Юга России, над этим иро-

низировали даже друзья Ашота Георгиевича. Но когда его вдруг не стало, все сразу поняли: да, он был крупнейшим поэтом Юга России в середине XX века.

Он любил общаться с читателями, часто выступал со своими стихами перед ними, бескорыстно вел литературную группу начинающих авторов, всячески помогая раскрытию их таланта. Так, например, его дружба с Николаем Доризо способствовала становлению поэта.

Эпохи сменяют одна другую, а поэзия живет и дарит нам минуты радости и грусти, переживаний и размышлений, открытия новых поэтических имен и мастеров незаслуженно забытых.

В начале 1946 г. Симонов в составе делегации посетил США. Свой авторский гонорар за американское издание повести «Дни и ночи» он в основном истратил на закупку школьного и медицинского оборудования, постельного белья для детского дома в Смоленске.

Будучи членом Ревизионной Комиссии ЦК КПСС и имея возможность оказывать влияние на власть, он «пробивал» издание книг, защищал молодых, отстаивал интересы литературы. Вероятно, для него это было необходимо: помогать, выручать, поддерживать, вытягивать, защищать.

Но с конца 50-х годов ситуация меняется. Это было связано, видимо, с определёнными процессами в обществе, с переосмыслением некоторых моментов истории страны.

С поста редактора «Нового мира» Симонову пришлось уйти. Он уезжает в Ташкент спецкором газеты «Правда».

К тому времени он расстался с Валентиной Серовой. Последней его женой стала вдова его фронтового товарища, поэта Семёна Гудзенко.

Характер Симонова, его мобильность сказываются и на новом месте работы. Писатель изъездил всю Восточную и Западную Сибирь. Побывает в Японии, Корее, Китае, каждый раз открывая новое уже в международных человеческих отношениях.

Юлия Щербакова:

На пути к званию Творца

13 октября в выставочном зале Ростовского отделения Союза художников (ул. Горького, 84) состоялось открытие выставки-конкурса «Творцы XXI века». Этот смотр работ студентов художественного училища им. М. Б. Грекова является ежегодным, а свою историю проект начинает с 2002 года.

Идея состояла в том, чтобы дать студентам всех курсов и всех специальностей возможность заявить о себе вне рамок

Галина Сергеевна Скопцова. Она сказала, что нынешняя выставка отличается компактностью, но не без сожаления отметила

тот факт, что в этот раз на выставке нет работ в жанре портрета. Профессор факультета искусств П И Ю Ф У Алексей Михайлович Курманаевский в своем обращении к участникам и гостям

Любовь Вахрушева и Максим Болгов. Татьяна Зайцева («Цветы») и Надежда Коваленко («Желтое и красное») разделили первое место в номинации «натюрморт». Лучшими графическими произведениями на этот раз стали работы Софьи Басовой («В старом Пятигорске») и Дениса Каширина («Жизнь храма»). Скульпторы

учебного курса, показать уровень своего мастерства. Помощь в этом оказал Ростовский областной музей изобразительного искусства, где в его Детской художественной галерее и состоялась первая студенческая выставка, а в последующие годы помещения под экспозицию предоставляли Музей современного изобразительного искусства на ул. Дмитровской и Союз художников. С момента возникновения проект поддерживает ОАО «Концерн «Стелла» в лице генерального директора Константина Михайловича Аверина: авторы лучших работ получают денежные премии.

выставки сделал акцент на высоком уровне преподавания в училище, а представитель

Управления культуры Администрации города Юрий Иванович Соловьев похвалил участников за их «глубокое стремление к пониманию мира». В числе почетных гостей были также директор Музея современного искусства Марина Алексеевна Приходько и представитель концерна «Стелла» Олег Васильевич Годованцев.

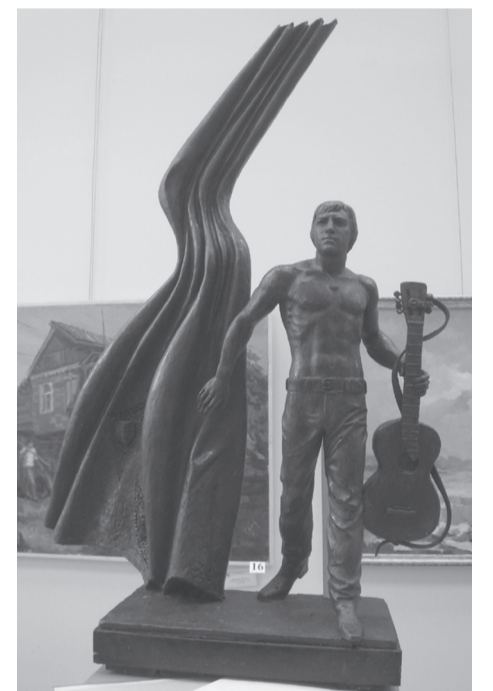
Жюри подвело итоги выставки, определив победителей в различных номинациях. За серии пейзажей награды получили

проявили меньше энтузиазма к участию в выставке по сравнению с живописцами, тем не менее представленные работы были по достоинству оценены жюри: награды получили Ирина Дармастук («Однокурсник») и Екатерина Бутова («Кошка»). За творческий поиск в своих работах была отмечена Виктория Яковлева, а директорский приз был вручен Анне Кругловой за работу «Близкое соседство».

Хочется заметить, что атмосфера на мероприятии была дружеской и почти семейной: практически каждый посетитель, входящий в выставочный зал, неизменно здоровался с большей частью присутствующих. Это наталкивает на мысль, что за годы своего существования проект не только сплотил коллектив училища, но и объединил людей, которые интересуются творческим потенциалом молодых художников нашего города. Каждая новая выставка не

похожа на предыдущую своей палитрой представленных работ и их тематикой. Студенты всегда находятся в поиске тем, техники письма да и самих себя, что не может не радовать педагогический коллектив училища. Проект оправдывает вложенные в него прежде всего моральные инвестиции, поэтому подготовка к следующей юбилейной выставке уже началась.

Торжественному открытию выставки этого года предшествовало голосование посетителей, по результатам которого определен обладатель приза зрительских симпатий – Мурат Анаев с работой «Пейзаж с церковью». Гости мероприятия по очереди брали слово, и первой своих студентов приветствовала директор РХУ им. Грекова

Занимая высокие посты, Симонов в 50-70 годы помогал многим писателям своим заступничеством и решением их различных, в том числе и бытовых проблем.

Большая заслуга Константина Симонова ещё и в том, что он первым, в своём романе «Живые и мёртвые» заговорил о замалчиваемых проблемах прошедшей войны — правду о первых месяцах войны. Как, попавшие в окружение и вышедшие из него солдаты и командиры, утратили после этого доверие начальства и были разоружены отрядом СМЕРША. И безоружные люди, встретившись с колонной немецких танков, все погибли. Роман «Живые и мёртвые» стал для большинства советских людей открытием.

В этом романе Константин Симонов показывает, как война срывает маски с разного рода карьеристов, проходимцев и приспособленцев. И в то же время он показывает характеры мужественных, талантливых, и «бережливых» командиров, которые добиваются победы не «любой ценой», а максимально сберегая солдатские жизни.

Попавший в плен под Сталинградом немецкий генерал с иронией замечает: «Мы всё-таки научим вас воевать», а в ответ слышит: «А мы вас отучим».

Константин Симонов прожил 64 года. Он оставил завещание; кремировать и развеять его пепел на Могилёвской земле, где в первые

дни войны он с товарищами, многие из которых остались лежать в ней, выходил из окружения. Его воля была исполнена.

Сегодня на вопрос: «Чем дорог нам Константин Симонов?» — мы ответим словами его современников — Константин Симонов — это бессмертные стихи о войне, глубокие и точные романы, блестящие пьесы, а его «дневники военных лет» — произведение выдающееся, которое стоит рядом с другими высшими итогами нашей эпохи.

Огромная, неохваченная, полыхающая картина войны уже не может существовать в нашем сознании без «Жди меня», без «Русских людей», без «Разных дней войны», без «Живых и мёртвых», без Симоновских «Дней и ночей».

Готовя в 1978 году к изданию 10-томное собрание сочинений, в 1-м томе он впервые опубликовал перевод эпитафии Редьярда Киплинга «Просьба».

*«Заканчивая путь земной
Всем слетникам напомню я:
Так или иначе, со мной
Ещё вы встретитесь друзья!
Я вам оставлю столько книг,
Что после смерти, обо мне,
Не лучше ль спрашивать у них,
Чем лезть с расспросами к родне!»*

Эта эпитафия была напечатана на последней странице первого тома.

Последуем его совету!

Читателям:

С 22 ноября 2010 года со всеми номерами газеты «Донской писатель» вы можете знакомиться на сайте ЦБС. Адрес сайта: www.donlib.ru

С днём Рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших коллег — членов Союза писателей России, Союза российских писателей и Литфонда, родившихся в первый зимний месяц, с днём рождения:

Помазкова Григория Петровича (5.12.1924);

Дьякова Леонида Владимировича (20.12.1932);

Кудрявцева Игоря Николаевича (23.12.1944);

Евтушенко Алексея Анатольевича (24.12.1957);

Чупереву Татьяну Вячеславовну (25.12.1967);

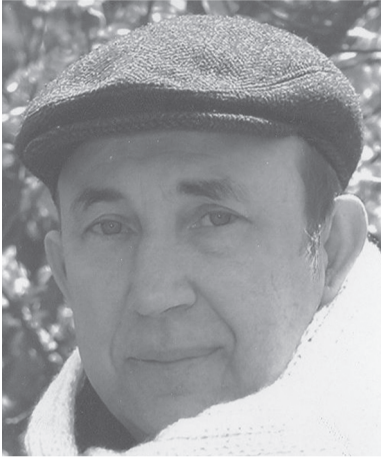
Гуцко Дениса Николаевича (27.12.1969);

Моложавенко Владимира Семёновича (28.12.1924);

Желаем вам, «открывающим» зиму, весёлого бодрящего морозца и вдохновенного творческого настроения!

Николай Китаев

*И к совести,
и к Богу...*

***

А где-то есть дерево правды
и веры,
А где-то целуются, прочих стыдятся,
А где-то вживую поют, без «фанерья»,
И вежливо с прошлым выходят на
связь.

***

Не станет её – и наступит конец,
Засохнет и жизни живительный
кокос.
Любовь – это эхо всего двух сердец,
А слышится в нём человечества
голос.

***

Мы жизни такой у судьбы не
просили,
И вряд ли взамен нам другую
дадут...
Как мало сегодня стогов по России:
И травы не косят, и скот не пасут.

Заброшены фермы, пустеют
конюшни,
Бурьяном покрылись луга и
поля.
Народ наш споили вином
и бездушьем,
А пьяным и злобным не верит
земля.

***

Как много нынче стало злых,
Бессовестных и лживых,
Как много радостей земных
Утрачено в наживах...

Как много тех, кто впал в хандру
И потерял дорогу;
Кто шёл ещё вчера к добру,
И к совести, и к Богу...

***

Не унывать, а жить по разуму
И каждый день, и каждый час,
Чтобы душа тянулась к разному,
Духовно сплывавшая нас.

Не унывать, а жить с оглядкой
И видеть, что там впереди...
Мы в этот мир пришли загадкой,
Чтоб доброй памятью уйти.

***

Какой-то неведомой нитью
Я связан со словом простым.
Слагаю строку по нити
И чувством, наверно, шестым
Пытаюсь понять повороты,
А в них смысловые ходы...
Нет в мире приятней работы,
Но как же кошмарны труды!

***

Сузив рамки обзорного круга,
Словно площадь мишени
в стрельбе,
Мы, почти не читая друг друга,
Лавры «гения» прочим себе.

Мы настолько порой субъективны,
Что срываются звёзды с орбит
И в утраченный мир наш наивный
Мысль простая уже не летит.

Григорий Рычнев

По плащу Матвея стегал дождь. Козы не стояли на месте, шли отарой вдоль яра, схватывая верхушки зеленой. Пастух, опираясь на костыль, неловко выбрасывал вперед ногу, спешил зайти наперерез козам, кружил их, заворачивал назад к хутору. Матвей чертыхался: такая пастыба никудашная, но и держать на базу гурт нельзя — дело к зиме, надо нагулянную за лето сытость поддержать, чтоб пух не слег, не сваялся.

В отаре за поводыря — козел Тишка. Он из первых купленных. Двенадцатый год шел ему. Рога отросли у козла в полметра и похожи были на два немецких палаша шириной в ладонь у самого основания и сходящие на нет вверх. Эти рога в отаре были видны издали: Тишка во время пастыбы стоял на страже своего семейства почти по стойке «смирно», степенно поворачивая голову вправо, влево.

Не спеша, следуя за козами, Матвей вышел к старому Гетманскому шляху. По обочинам дороги зеленела озимка, и козы уткнулись в неё: Тишка жмурился от дождя, иногда выходил на проезжую часть трассы, не обращая внимания на редкие машины, которые вынуждены были его объезжать. И этим Тишка, казалось Матвею, был очень доволен, наслаждаясь своим величием и достоинством рогов.

Ветер усиливался, изредка на дорогу срывались снежинки и таяли. Матвей подался к лесополосе, под вязки. Что-то чесалась обмороженная еще в тридцать седьмом ладонь... Прозябла, наверно, рука. Или по старой примете предстало что-то отдавать. Но что и кому? Матвей никому ничего не был должен. Прислонил к ветке костыль, дул в ладони, потирал их, разгонял кровь. Еще с полчаса потерпит он на ветру и повернет отару к дому...

В это самое время от казачьего кургана Будары председатель сельсовета Иван Колесников лихо гнал к хутору свой «каблучок». На спуске к Потайной речке увидел на асфальте Назарова козла.

Полчаса назад за коз давал ему «накачку» председатель райисполкома и первый секретарь райкома. Тыкали ему в глаза Матвеем. А

тут вот он сам, с отарой... и этот его поганый козел на дороге. Штрафовал же Колесников старикашку за превышение численности козьего поголовья, вызывал «на ковер», перед депутатами срамил, а он и ухом не вел: как было у Матвея под сто голов коз, так и осталось. Но теперь, после совещания по борьбе с нетрудовыми доходами, Колесников будет действовать решительно: на совхозные пастыбища объявит частнику запрет. Все летние базы на Выселках сравняет бульдозером, проведет перепись скота с конфискацией излишков. Положено иметь сельскому жителю по закону пять голов мелкого рогатого скота — значит должен иметь пять. Так у него и будет в хуторе.

А козел — вот он — стоял на асфальте, как статуя. Иван было притормозил, но эта бессовестная скотинья и не собиралась бежать. Козел, видно, не знал, кто едет... А Иван думал: если его не то что люди, даже всякий воючий козел не боится, тогда что же он за председатель?!

Со стороны было видно: москвич-каблучок, резко набирая скорость, мчался прямо на козла. Тишка стоял спокойно, уверенный в том, что и эта машина объедет его стороной.

Колесников еще раз притормозил, вцепился занемевшими руками в баранку. До козла оставалось каких-то десять метров, была еще возможность крунуть руль вправо, ближе к обочине. До последних мгновений ждал Иван, что козел прыгнет с асфальта, но тот лишь тряхнул головой и выставил вперед рога, как будто перед ним была не машина, а валушок, с которым можно пободаться.

Колесников выругался и еще большей злостью проникся к этому дьявольскому отродью. Боковым зрением увидел, как из лесополосы крылатился к дороге Матвей, грозя костылем, и председатель всю злость к хромоногую козлятнику вложил в педаль «газа».

Автомобиль с ходу ткнулся бамбером в Тишку, как в мешок с зерном. Над капотом брызнули осколки. Ивана кинуло грудью на баранку, и машина, тупо мякнув звуковым сигналом, остановилась с подмятым под днище козлом.

Писатель

Он — легкокрылость вальса,
Тяжеловоз вестей.
Он — кворумные пальца
Натянутых страстей,
Наперсник вдохновенья,
Ребролюбивый бес,
И ангел для забвенья,
И призрак для чудес.

***

А Россия — подбрюшье мира,
Где сосцы — купола церквей.
По беззубости шамкает лира,
Забывая о доле своей.

Эту долю её незабвенную
Мы к своей примеряем тайком
И при этом бездумно Вселенную
Поим чёрным своим молоком.

Козелуп

рассказ

Прихрамывая на ногу, Матвей перескочил кювет и занес было костыль, собираясь ударить по капоту машины, но на мгновение рука зависла в воздухе — так когда-то учили его рубить шашкой врага. Слезы возмущения и гнева застлали зрение, а где-то в подсознании срабатывал инстинкт самосохранения: за разбитое стекло придётся отвечать.

Ударить — значит попасть в лапы этому зверю, Колесникову, явившему наконец своё истинное обличье. Раскрутят же на всю катушку за хулиганство — и получай Матвей Никитич свои пятнадцать суток. А с отарой твоей они без тебя справятся, поучат тебя жить по указке партии.

«Не дождёшься, Ванёк, такового, сам ответишь за всё. Не перед законом, так перед Богом», — мелькнула мысль в голове Матвея.

К тому же машина тут была не при чём, а всё произошедшее — наяву, а не во сне — целиком лежало на совести предсовета. Следовало бы врезать Ваньке в сопатку по-фронтальному. Но сопатку председателя оберегали кабина и должность.

Колесников пучил рачьи глаза, корёжил рот постыдной матерщиной, не сомневаясь в своей правоте в здравии развитого социализма.

Сглатывая сухую оскомину и съедая ненавидящим взглядом Колесникова, Матвей неслышно шамкал что-то бескровными губами под рыжей щетиной усов. Председатель, ожидая удара по автомобилю, откинулся на спинку сиденья и интуитивно пригнулся. И это тоже вооружило Матвея. Он почувствовал свою маленькую победу над этим высоким ничтожеством, рука его опустилась, и, собрав всю свою слюну, он на полном выдохе плюнул на стекло водительской двери, за которым скалил зубы человек с обличьем волка.

Старик хрипел от негодования, его трясло, и он никак не мог иначе выразить свои чувства:

— Ты что же, с-сука, д-е-ела-ешь?!

Иван высочил из машины, толкнул от себя старика:

— Вот так теперь буду. Не хотите закон выполнять — я вам заработаю! Я вас, козлятников, зажму в ежовые рукавицы! Машиной всех передавлю! Я вам набогатею!

У Матвея отвисла и задергалась челюсть — Тишкины рога наполовину влезли через решётку в радиатор. Он бросил костыль, ухватился за козлиную голову, стараясь выдернуть рога из мятого железа. Но как их можно было высвободить, если всю тушу животного затянуло под мотор. Козел еще был жив: что-то наподобие жалкого бляения вырвалось у него из ноздрей вместе с кровью, и судорожно мигало веко вывернутого раскосого глаза.

— Во дурак, а? Во дурак!

— приговаривал старик, не в силах уже ни кричать, ни махать костылем; он уже сам едва стоял на ногах. Упав на колени перед головой Тишки, он то ли плакал, то ли что-то приговаривал плаксивым, жалобным голосом:

— Ах, ты ж, мерзавец, подлец!

— Я те покажу — «мерзавец»! — отозвался Колесников. — Обнаглели до высшей степени... Власть им не власть, закон не закон...

— И-и, сопляк! Пойди у Халеры хисту* займи, а тады в председатели.

Колесников сел в машину, завел мотор и стал рывками дергать машину назад. Из-под днища вывернулся взлохмаченный бок, вытянулась шея козла, а следом выдернулись и мечевидные рога. Голова ударилась об асфальт, кровавая глазом лужица на дороге.

Тишка, по всему видно было, испускал дух: дрыгнув ногами и потянувшись. Старик попытался поднять его и поставить на ноги, но голова любимчика Тишки свисала с руки безжизненно.

Пока Назаров пытался привести козла в чувство, Колесников поднял капот машины и глянул на мотор: лопасти вентилятора были сломаны, и цевкой журчала откуда-то вода. Он молча сел за руль и, объехав свою жертву, дал оборотов под гору, затем выключил мотор, пустив машину накатом к хутору.

Матвей, все еще стоя возле козла на коленках, грозил председателю кулаком:

— Но, помони, это тебе так не пройдет!

Матвей стянул козла в кювет и заспешил домой: надо было запрягать лошадь и ехать за Тишкой — не пропадать же мясу, овчинке...

До семи фунтов пуха давал каждый год Тишка... Вот и думай, Матвей: ладонь-то чесалась не к добру. Шел Матвей к дому, то приседая, то приподнимаясь на костыле и никак не мог остыть от произошедшего на дороге:

— Это не Колесников, а колесёнок. Ох и дурак... И как таких земля носит... Чёртов ты козелуп!.. Советская власть, туды иё мать... Ить чё придумали?.. Потравы козы делают... Жизни людям не хотят давать!.. Но ничего, придёт время — аукнется!

Дождь не прекращался. Всё моросил и моросил устало на и без того заплаканную землю...

* хист - ум

Людмила Малюкова БЕДНЫЙ «АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ!»

ции» (как и «социалистической России») А. Блок никогда не был. И поэму «Двенадцать» нельзя воспринимать как политический плакат. Это символическое произведение, очень противоречивое, с «подводными течениями», как и революция и сознание поэта. Иначе чем можно объяснить: Христос, исконно призывающий к любви и миру, освящает гибельную стихию, идет впереди двенадцати с кровавым флагом, а те стреляют в него? Первый, кто это тогда же почувствовал, был М. Волошин. А за три месяца до смерти А. Блок сделал такую запись в дневнике: «Слопала-таки поганая, гниющая матушка-Россия, как чушка, своего поросенка». Он отринул буржуазный мир, как ненавистную ему «бездуховность», заклеив его образом «страшного мира», но не принял и Октябрьский переворот – эйфория первых дней, связанная с надеждами светлых перемен, очень скоро сменилась смятением и ужасом. Более того, по некоторым свидетельствам современников, перед уходом из жизни поэт отказался от «Двенадцати» и просил Л. Менделееву сжечь все экземпляры.

Неосведомленность Г. Ереминой в блоковском «аспекте» прямо-таки резонирует. Из каких архивных залежей черпается представление о творчестве А. Блока до 1904 года как «романтике», который после стихов о Прекрасной Даме вдруг становится «поэтом-реалистом»? Между тем символическая система его поэзии не была поколеблена до конца жизни. Движение и обновление проходили внутри нее: путем преодоления соловьевского мистицизма к более жизненным формам воплощения. Поэзия А. Блока суггестивна, ее мир – ассоциации и намеки. Каждый образ и «элемент» в ней – своего рода «знак», символ, определяемый в контексте стихотворения или чаще всего целого стихотворного цикла. Что «реалистического», например, в завораживающем «кольцевом» стихотворении: «Ночь, улица, фонарь, аптека, / Бессмысленный и тусклый свет. / Живи еще хоть четверть века – / Все будет так. Исхода нет. / Умрешь – начнешь опять сначала. / И повторится все, как встарь: / Ночь, ледяная рябь канала. / Аптека, улица, фонарь»? Уж не «аптека» или «фонарь», которые, действительно, находились рядом с домом поэта? Но блоковское стихотворение не об этом. Оно о состоянии души человека и напоминает отражение ночного города в водяной ряби канала, обе его части перевернуты по отношению друг к другу. Создается впечатление, что человек стоит на мосту, глядя вниз, и размышляет о бессмысленности жизни. Аптека же – знак перехода из жизни в смерть. Только в таком символическом плане можно воспринимать поэзию А. Блока.

Все свое творчество он определял как единый «роман в стихах».

Прекрасная Дамы сменялась Незнакомкой, непостижимой и притягательной падшей женщиной, опустошающей душу лирического героя (аналогия семейной драмы: он, А. Блок, Л. Менделеева и А. Белый), но все настойчивее и она вытесняется Родиной, Россией, крест которой «бережно» несет поэт, восторгаясь ее «чародейной», «разбойной» красотой и веря в светлую «возможность невозможного». Таковы контуры творческой эволюции поэта.

Хаотично представлены в статье и его «переживания». Речь идет о «первой женщине» А. Блока – К. Садовской. (Кстати, непонятно: почему именно ей уделяет внимание автор? А Волохова, Дельмас, Менделеева? Они-то оставили более глубокий след в блоковском творчестве. Не потому ли, что в первом чувстве поэта нечто неординарное?). Из статьи мы узнаем: ей 37 лет, ему 17. «Даме хотелось развлечься. Блок же искренне влюбился. Через месяц они расстались. Блок посвятил ей прекрасные стихи, и на этом его страсть кончилась», – всё, оказывается, так просто. А далее вдруг открывается, что для Садовской этот короткий роман стал «единственным сильным чувством в ее жизни». Нет, решительно не могу понять: у кого из них было «сильное чувство», а у кого «развлечение»? И было ли? Да и так ли это существенно для поэзии? Важнее другое: в какие стихи переплавилось пережитое. Да и не прервался его след, как это утверждает Г. Еремина, ни через месяц, ни в 1901 году. Трижды А. Блок приезжает в Бад Наухайм, место встречи с Садовской, и каждый раз возникает в его воображении ее «туманный абрис». Спустя время он посвящает ей цикл стихотворений «Через двенадцать лет» (1909), в котором есть такие элегические строки: «Вижу снова я тонкие руки, / Снова слышу гортанные звуки, / И в глубокою глаз синеву / Погружаюсь опять наяву». Так воплотилась сила поэтического чувства, которая покоряет и сегодня.

А. Блок, при всем его величии, очень тонкий и деликатный художник, с весьма сложной философско-эстетической системой. Нельзя вести о нем речь на уровне банального изложения. Если бы современники поэта, называвшие его «совестью и солнцем русской поэзии», прочитали подобные «опусы» нашего времени, кроме «эмоции»: «Бедный Александр Александрович!» – ничего другого не исторг бы их недоуменный крик.

Творческий вечер Александра Можяева

На встречу с Александром Можяевым пришли писатели-коллеги, литераторы, работники библиотеки – почитатели таланта писателя. Сам юбиляр приехал на встречу с двумя своими сыновья-

проведенных в казачьем хуторе, воспитании своими дедами, учебе в Московском литинституте (который тогда «жил по своим законам»), опубликовании первого рассказа «Мокеич». Начинал

ми (всего их у Александра Николаевича восемь), что в своем вступительном слове сразу же отметил председатель правления Союза писателей России Василий Афанасьевич Воронов. Задавая тон мероприятию, он выразил свое мнение о том, что в постсоветское время появилось немало талантливых писателей, продолжается литературный процесс и общение поколений, и добавил, что автора, пишущего о современности, не заменит никто. И к числу таких писателей относится Александр Николаевич – «реалист от первой до последней строчки».

Затем председатель Ростовского отделения Литфонда России Алексей Григорьевич Береговой зачитал приветственный адрес юбиляру Ростовских отделений Союза писателей России и Литературного фонда России. От себя он добавил, что место проживания писателя не причина для отмены юбилейных торжеств; надо только любить творчество своих товарищей по Союзу и очень хотеть его отметить, и высказал пожелание: пусть эта вечер станет поводом регулярности таких встреч.

Герой встречи рассказал о своем становлении как писателя и как человека, о детских годах,

писатель, по собственному признанию, как начинали многие – с подражательной поэзии. И сейчас, пройдя часть своего творческого и жизненного пути, Александр Можяев с улыбкой говорит: «Мне не стыдно ни за одно свое произведение, потому что, когда бы я ни писал, я был искренен». А как мы знаем, искренность на страницах произведений не подделается, именно она заставляет читателя верить автору, переживать и думать вместе с ним.

Заключительная часть встречи была наполнена поздравлениями, пожеланиями дальнейших успехов и дружескими рукопожатиями. С приветственными словами в адрес юбиляра выступили Писатели Н.М. Скребов, Л.Н. Малюкова, К.И. Павленко, И. Сазонова и другие, литераторы из разных городов Ростовской области, радиозапись встречи вел редактор Радио-Дон ТР Е.Г. Джичоева. Конечно же, прозвучало и несколько вопросов. И ответ на один из них обнаруживает безусловно состоявшегося писателя: «Для меня литература – это жизнь, пропущенная через душу То, что я создаю, – это мой мир».

Юлия Щербакова

От редакции: Мы опубликовали материал об Александре Блоке Людмилы Николаевны Малюковой по её просьбе – она была во многом не согласна с публикацией о поэте Галины Ереминой в предыдущем номере нашей газеты. Но ведь высказывания об Александре Блоке профессионального литературоведа, доктора филологических наук и журналиста могут (и должны, наверное,) довольно далеко отстоять друг от друга в понимании темы. Самое же ценное в отклике на статью – обсуждение опубликованных в нашей газете материалов (оно не оставляет людей равнодушными и дает им новые знания), а популярное изложение темы имеет такое же право на жизнь, как и научное. Мы всегда за подобное отношение к нашим публикациям и каждый раз с нетерпением ждем читательских откликов на них. Любых.

А самое главное то, что наша газета (по словам Л.Н. Малюковой) единственная на Дону, которая «вспомнила» о гениальном русском поэте. Обсуждение материала о нём, критическая полемика подняли это «вспоминание» на ещё большую высоту.

Н Е Н О В О Г О Д Н Я Я Т Е М А

Честно говоря, не хотелось марафет предновогодний номер газеты «Донской писатель» этим не праздничным по теме материалом, но, как говорится, нужда заставляет. Вот и приходится во избежание ложных слухов и обсуждения общественностью недостоверных сведений, с мастером изготовления и распространения которых мы имеем дело, вновь вернуться к этой, не новогодней теме, теща себя всё-таки надеждой, что в последний раз. Надо же как-то защитить ни в чем не виноватых, уважаемых людей, оградить их от насилия и произвола, а также сообщить общественности, как единственному рычагу воздействия на агрессора, о случившемся событии.

Газета была уже сверстана и практически подготовлена к печати, но предупреждение в ещё непечатанной публикации «Председатель правления...» частично исполнилось: одиннадцать наших писателей и два работника управления культуры города получили от Петрова В.С. повестки в суд по поводу предъявленного им иска. Почему? Что хочет истец? Попробуем разобраться...

Если посмотреть на нижнюю часть последней страницы газеты «ДП», то почти все фамилии, раздражающие Петрова В.С. можно увидеть там, в составе общественной редакционной коллегии. Остальные, так или иначе, с газетой сотрудничают. Вот и причина «почему?» этот демарш.

Ну ладно, Воронов В.А. и Береговой А.Г. — враги, придуманные Петровым В.С. самому себе, как постоянные объекты его «военных» наступлений, но остальные? Уважаемый всей Ростовской областью и всем Ростовом поэт, человек, с которого можно брать пример порядочности, семидесятивосьмилетний Николай Михайлович Скребов? Его ровесник, мягкий, неконфликтный и тоже очень порядочный человек, сейчас болеющий, Леонид Владимирович Дьяков? Дальше: М.П. Астапенко, Н.И. Бусленко, А.И. Глазунов, М.Ю. Коломенский, И.Н. Кудрявцев, Г.В. Студеникина, Э. Сокольский, работники управления Культуры города Т.В. Аксенова и А.А. Попова? В чем они провинились перед истцом? Цитируем его исковое заявление: «...они могут иметь отношение к публикации данного материала как члены редколлегии...». (Статья «Несостоявшийся юбилей» А.Б.). «Но, — скажете вы, — могут иметь, а могут и не иметь». Предъявлять судебный иск только на основании предположения или догадок никто не имеет права. Однако истца этот факт не смущает, ему надо привлечь к суду как можно больше людей, чтобы через судебный иск заставить при-

нять за правду организованный им обман, связанный с журналом «Дон». Цитирую: «Обязать редакцию... газеты... «Донской писатель»... опубликовать «Опровержение» следующего содержания: Статья «Несостоявшийся юбилей» в газете «Донской писатель» (№4, 2010 г.) за подписью «Обозреватель» содержит не соответствующие действительности сведения о литературно-художественном журнале «Дон» и его главном редакторе Викторе Петрове. Редакция и редакционная коллегия газеты «Донской писатель» признают данную публикацию ошибочной». Виктор Сергеевич совершенно не желает брать во внимание, что статья написана согласно им же предоставленным документам и публикаций. Выходит, что и они недостоверные? Он все ещё никак не хочет понимать, что, скрытая даже многолетней ложью, правда когда-нибудь сама по себе начинает проступать наружу.

И что же он еще хочет? Цитирую: «Взыскать с ответчиков компенсацию морального вреда 400 тысяч рублей в солидарном порядке». «Ух ты!» — скажете вы. — Вот какой крутой! Да, пусть все знают! И заплатят ему почти полмиллиончика писатели из своих толстоющих кошельков за его же неумные четырехлетние труды по развалу организации.

Зачем ему эти деньги? А вот зачем — цитирую: «перечислить взысканные деньги на издание книги «Избранное журнала «Дон» для сельских библиотек Ростовской области». Вот как! И благородно и прибыльно! Деньги перечислить, конечно, на счет ОАО «Дониздат», кто ж еще будет издавать «Избранное»? И на этом жесте — «для сельских библиотек» можно будет ещё и хорошенько подзаработать... Это не то, что в прошлом его иске, в котором благородства много, но выгоды ноль: «перечислить 200 тыс. руб. в фонд помощи детсиротам г. Ростова-на-Дону».

А почему он этого хочет? «У меня ухудшился сон, скачет артериальное давление...». А как хорошо ему спалось эти почти четыре года, в которые он безнаказанно изгалялся в своих газетах над писателями и литераторами, ни сколько не задумываясь о том, скачет ли у них артериальное давление. Вынудили прекратить, и сразу сон пропал, у самого давление «заскакало». А может, так и должно быть, может, это высшая справедливость, плата за содеянное? Нет, виноваты в этом вот эти люди, писатели, потому к суду их, к суду!

То, что это очередная провокация с целью опять взорвать уже нормализующуюся обстановку в писательском сообществе, за-

пугать и рассорить всех, кто сотрудничает с газетой, распуścić дезинформацию по городу, ни у кого не вызывает сомнений. Увы, для него, — писатели и остальные «ответчики», понимая цели «истца», совершенно спокойно восприняли судебные повестки и на судебное заседание, назначенное на 16 декабря 2010 года, не пришли.

В суд за всех пришлось идти мне.

Петров В.С. появился на заседании в сопровождении весьма странного своего представителя аж из города Воронежа Федорова М.И. и постоянного попутчика Елисеева И.А. Не помогли. Итог короткого по времени судебного заседания, определявшего подсудность искового заявления был очевиден: *этих людей к суду привлекать не за что.*

И что же Виктор Сергеевич приобрел посредством данной акции? Дополнительное уважение к себе общественности города и донских писателей? Новое, более высокое своё положение в российской литературе? Или всё как раз наоборот? Тут не требуется особых объяснений.

Ещё одна петровская авантюра провалилась. Как и все остальные. Сколько их было и сколько еще будет? Никто не знает. И проваливаются они все лишь по одной причине: именно потому, что являются авантюрами.

Могут открыть еще одну «петровскую тайну». В следующем году Виктору Сергеевичу исполняется 65 лет. А по условиям работы в чиновничьих структурах, к которым Виктор Сергеевич так усиленно причисляет ОАО «Дониздат» (учредитель Федеральное агентство по управлению госимуществом), после исполнения 65 лет договора с руководителем не продлевают. Запрещено это законом. Кроме того, 2011-й — год переназначения согласно Уставу Генерального директора ОАО «Дониздат», решение по которому выносит Совет директоров ОАО «Дониздат». Так что вполне вероятно, что нас всех ждет новый Генеральный директор ОАО «Дониздат», и соответственно — журнала «Дон» и газеты «Культура Дона», где главным редактором уже Салтанова В.А. Уж больно «прославил» старый генеральный и себя, и всех вокруг себя, а точнее — ославил. Может, потому и бесится Виктор Сергеевич, никак не хочет уgomниться? Потерпим еще до июня месяца...

Хочу извиниться перед читателями за столь непопулярную, но вынужденную насущной необходимостью публикацию. Се ля ви...

Алексей Береговой, член СП России

«Председателю правления...»

Не так давно в правление Ростовского регионального отделения Союза писателей России пришло письмо с удивительной надписью на конверте: «От Петрова В.С. — Председателю правления РРО СПР Воронову В.А.»

Надпись эта сразу же породила ряд вопросов к отправителю. Что означает сия новая фраза в вашем лексиконе, Виктор Сергеевич? Осознание вами неправоты вашего поведения по отношению к Союзу писателей? Желание исправить ошибки и принять, наконец, цивилизованные методы сосуществования в писательской среде? Вы сами теперь отвергаете так настойчиво утверждаемое вами в течение более чем полутора лет?

Но как же тогда писателям относиться к протоколу «расширенного заседания правления» от 24 апреля 2009 года, которым Виктор Сергеевич «перераспределил» себя председателем правления Ростовского отделения, законность решения которого он так долго и упорно доказывал? А как относиться им к законности протокола «Общего Отчетно-выборного собрания» от 30 октября 2009 (на котором, как уверял Виктор Сергеевич, присутствовало более половины писателей отделения), которым он снова «переизбрал» себя председателем правления организации и широко распространил весть об этом? Как относиться к публикациям в его газетах сведений о «бывшем председателе Воронове В.А.» и успешной работе «его» правления?

Но главное, что делать писателям, обманутым и втянутым Виктором Сергеевичем в эту авантюру? Ну ладно, сопредседатели Елисеев И.А. и Конюхов В.Н. — знали, что незаконны, — как им дали поносить должности, так и отобрали, но вот остальным? Как быть «членам правления», назначенным Виктором Сергеевичем на «общем собрании», как быть «членам ревизионной комиссии»? Они что, теперь низложены самим же Виктором Сергеевичем? А как же те перспективы, которые он им рисовал?

Можно было бы назвать имена этих «членов», да не хочется вновь обижать уже однажды жестоко обманутых и обиженных людей, в добройпорядочности большинства

из которых никто не сомневается. Так что же это письмо означает для них: шаг к нормализации отношений между членами организации или новая ложь и, выражаясь современным языком, новое кидалово, устроенное им Виктором Сергеевичем в его собственных интересах?

А может, это попытка Виктора Сергеевича нормализовать свои отношения с организацией, наступив на собственные амбиции?

Вопросы отпадают, и всё становится на свои места, как только открываешь письмо. Оно короткое — с угрозами и необоснованными требованиями. Ничего не осознал Виктор Сергеевич, ничего не понял, — не дано ему это, а адресат на конверте — всего лишь очередной «политический» манёвр без учёта интересов уже обманутых однажды писателей. *Он судиться хочет с организацией!* И потому снова начинает с угроз, не понимая, что написанный им конверт уже стал документом против него. Но такой вот он, Виктор Сергеевич, везде и во всем: когда надо — он председатель, когда надо — он не председатель, а завтра, если понадобится, он вновь станет им...

При абсолютном отсутствии моральных принципов человек для достижения поставленных им целей использует любые приемы, не считаясь с тем, сколько людей при этом пострадает. Только как это сочетать с профессией писателя? Вот вопрос, на который одновременно и есть ответ, и нет его...

А коллегам из сочиненных Виктором Сергеевичем правлений и комиссий правление РРО СПР хочет передать только одно: приходите в свой родной дом, никто на вас зла не держит, все желают вам только добра. Давайте забудем обо всем плохом, будем нормально жить и работать, по-человечески общаться...

Антон Доннис, обозреватель

ОФИЦИАЛЬНО

16 декабря 2010 года Коллегия по гражданским делам Ростовского областного суда рассмотрела кассационные жалобы Виктора Сергеевича Петрова и Игоря Александровича Елисеева на решение Федерального суда Ленинского района Ростова-на-Дону от 30.06.2010 года по иску к ним писателя Берегового А.Г. «О защите чести и достоинства» и вынесла свое определение: в удовлетворении кассационных жалоб отказать, решение Ленинского суда оставить без изменений в полном объеме.

Решение Ленинского Федерального суда от 30.06.2010 года вступило в законную силу.

Общественная редакционная коллегия:

М. Астапенко Т. Аксенова
А. Береговой Н. Бусленко
В. Воронов А. Глазунов
Л. Дьяков А. Можаяв
А. Попова И. Сазонова
Н. Скребов Г. Студеникина

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРНОГО
ФОНДА
РОССИИ
ДОНСКОЙ
РОСТОВ-НА-ДОНУ

Газета писателей Ростовской области

редактор Валентина Даныкова
над выпуском работали:
журналист Ю. Щербакова
корректор Е. Симонова
верстка И. Зубковой
художник Н. Коновалова

Номер подписан в печать 20.12.10 г. Тираж 990 экз
Контактный адрес редакции: 344002 Ростов-на-Дону,
ул. Серафимовича 89/91
Контактный т/ф 8 (863) 262-03-88, 262-08-12
beregovoy@ctsnet.ru